НОВИНКИ ЗАПАДА

1925

ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА

Дон-Жуан

Я буду петь...

Белая тень

Слеза угаснет... Перестань...

Дон-Жуан

А я... я собл...

Дьявол

Прерывая.

Довольно, марьонеткой стань,
О человек, что слыть хотел моим портретом...

Дон-Жуан

Показываясь марьонеткой в балагане, поет...

Я соблазнитель... Я...

Белая тень

С беспредельным отчаянием.

Ах, сколько горя в этом...

Перевод с французского
Луи Шенталь

Джемс Джойс

В 1922 году имя Джемса Джойса едва ли не молниеносно стало известно Западу. Раньше о нем знали немногие: в обзорах английской литературы можно было прочесть, что Джойс— ирландец, писатель молодой—автор трех книг: Chamber Music; Dubliners (1914 г.) и A portrait of the artist as a joung man (1916 г.). Нельзя сказать, чтобы две последние книги прошли незамеченными; но причиной—обстоятельство, мало имеющее общего с их художественной ценностью: ни один из англо-ирландских издателей не согласился их издать, ибо Джойс с такой простотой говорил о многих вещах, какая совершенно недопустима в английском обществе. А ко всему еще—Джойс, беря для своих героев „натуру", т.-е. окружающих его лиц, не смущаясь выводил этих лиц под теми же самыми именами, какие они носили и продолжают носить в жизни. И—в результате—Джойс обе свои последние книги должен был издать в Соед. Штатах.

Кончив в 1914 году книгу A portrait of the artist as a joung man (он писал ее, параллельно с Dubliners, десять лет). Джойс шесть лет отдал работе над романом, названным им „Улисс"—„Ulisses". Снова этот роман не был издан в Англии, и снова Джойсу пришлось печатать за границей—на этот раз— во Франции.

Изданный в ограниченном числе экземпляров, он имел успех литературного скандала.

Когда роман Джойса появился в Англии, хранители „классических" традиций английского общества, по сию пору еще не простившие Уайльду его процесса, наложили на роман veto, и скоро „Улисс" с рынка исчез (теперь еще время от времени в газетах появляются об'явления с предложением солидной суммы за книгу).

Каково же содержание этого романа?

Ч. 1. Стивен Дедалус завтракает с товарищами студентами-медиками. После завтрака он дает урок древней истории в школе. Владелец школы мистер Дизи просит Стивена посодействовать ему в помещении письма в редакцию „Ивнинг Телеграф" (о лечении копытной болезни), передает Стивену письмо. Стивен уходит к берегу моря, лежит на пляже, размышляет и пишет: он поэт и филолог, будущий профессор итальянского языка.

Ч. 2. Агент по сбору об'явлений Леопольд Блум, женатый на певице Мэрион Твиди, готовит завтрак своей жене. В 11 часов утра он отправляется на похороны своего знакомого. По дороге, зайдя на почту, получает письмо на вымышленное имя. Он ведет переписку с девушкой (Мартой), которую надеется соблазнить. Встречает знакомых. Так как сегодня день скачек—разговоры о лошадях. Наконец, попадает на похороны. Богослужение и погребение. Среди провожающих отец Стивена—Симон Дедалус—и журналисты. После похорон—Блум в редакции—по делам об'явлений. В редакцию приходят профессор М'хью, бывший любовник Мэрион Твиди, Ламберт, Моллон и, наконец, Стивен Дедалус, пришедший с письмом о лечении копытной болезни. Разговоры об ораторском искусстве. Все расходятся, Блум завтракает в ресторане. Затем идет в библиотеку для справки об об'явлении. В библиотеке—Стивен Дедалус, его товарищи-студенты. Разговор о Гамлете. Стивен развивает свою теорию: отец Гамлета (дух)—сам Шекспир. Условливаются встретиться вечером.

Выезд наместника Ирландии на открытие благотворительной лотереи. Блум и ряд лиц, бывших на похоронах, наблюдают за церемонией выезда. Блум заходит в ресторан пообедать. В ресторане отец Стивена—Симон Дедалус, Бен Доллард—бас. Дедалус и Доллард поют. Наслаждаясь пением, Блум пишет Марте письмо.

Блум в поисках своего знакомого—Кунпингама—заходит в другой ресторан. „Гражданин" (синн-фейнер) произносит сильную речь, направленную против исконных душителей свободы—англичан. Блум пытается изложить свою точку зрения (примирительную). Разыгрывается скандал. Кунпингам увозит Блума на извозчике.

Блум на пляже. Наблюдает за девушкой Сисси Кэфри. Взвиваются вдали ракеты—лотерея открыта. Блум идет в клинику—узнать, как прошли роды знакомой дамы. Там, в клинике—внизу в кафе—студенты-медики и Стивен. После дежурства студенты, а с ними Стивен и Блум идут в публичный дом. Сцена в публичном доме—полуфантастична. Пьяные мысли Стивена, видения Блума. Девушка Сисси Кэфри, которую Блум видел на пляже,—в этой сцене—проститутка. Дебош. Блум, чтобы не пропали деньги Стивена, забирает их. Драка. Солдаты бьют Стивена (уже на улице).

Ч. 3. Блум уводит Стивена в ночную чайную. Он чувствует симпатию к Стивену (отцовство—у Блума когда-то умер двухнедельный сын). Разговор в ночной чайной.

Блум уговаривает Стивена пойти к нему ночевать. Идут. Блум, у себя дома, варит какао—разговор о судьбах еврейского (Блум—еврей) и ирландского народов, об астрономии, итальянском языке и пр. (в форме катехизиса). Блум знает, что у его жены сегодня был любовник. В этом отношении он дает ей свободу и через любовников достает об'явления. Оправдывает и ее и себя (размышления). Условливается со Стивеном, что жена Блума—Мэрион—будет

брать у Стивена уроки итальянского языка в обмен на уроки пения. Возвращает Стивену деньги, взятые у него в публичном доме. Стивен уходит.

Блум ложится спать. Мэрион просыпается. Думает о Блуме, о своем любовнике. Вспоминает свою жизнь. Расспрашивает Блума. Он рассказывает ей свой план об уроках со Стивеном. Мэрион думает о Стивене. Затем—вспоминает, как вышла замуж за Блума и, мало по-малу, всю свою жизнь.

Роман на этом кончается Таков скелет „Улисса". Итак, шестьдесят печатных листов (размер романа) посвящены, в сущности, одному дню рядового мистера Блума. Да и день ничем не замечательный—самый обычный в ряду таких же обычных.

В чем же оригинальность и своеобразная сила „Улисса"? Едва ли не в том, что Джойс выбрал самый обыкновенный день самого обыкновенного среднего обывателя и показал всего Блума, показал таким, каким он предстает лишь перед самим собой, да и то редко. Джойс сорвал все покровы на человеке и человеческой душе, дал эту душу—тепленькой, дал такие ее ракурсы, каких до него никто не давал, вскрыл, как никто, всю пошлость обывательской души и обывательского дня. И нужно сознаться, что сделал эту операцию мастерски, ибо для этого не прибегал ни к каким тематическим эффектам; не проявлял Блумовой души на преступлении, не снабжал героя способностью глубоко и остро чувствовать, не наделял его каким-нибудь особо-утонченным пороком и не впутывал ни в adventure ни в любовно-психологическую драму. Блум и те немногие, кто его окружают в романе,—самые простые люди, с такими знакомыми, слишком знакомыми интересами, что едва ли не видишь их вокруг себя в жизни каждого дня. Джойс вывел какое-то страшное среднее арифметическое из обывателя и, как никто до него, показал нам современного Улисса в обстановочке современного уклада жизни на Западе.

И трижды прав Ezra Pound, назвавший роман an impassionat meditation on life—„страстным размышлением о жизни", и сравнивший „Улисса" с „Бюваром и Пеклюше" великого Флобера, с той лишь разницей, что Джойсу удалось осуществить задание, частично разрешенное Флобером. И прав другой критик, Richard Aldington, пишущий: „Улисс" более горек, подл и убийственно сатиричен, чем все написанное Джойсом... „Улисс"—ужасное клеймо на человечестве, и это клеймо я не могу снять". Даже „Times", ведший кампанию против Джойса, должен был признать „the outmostsincerity и complete courage" — „крайнюю искренность" и „полное мужество" автора. А в „La Nouvelle Revue Française" известный Valery Larbaud—один из самых интересных писателей современной Франции,—автор „A. O. Barnaboth"—писал: „Улиссом" Ирландия входит с триумфом и сенсацией в высокую (haute) европейскую литературу".

Неудивительно, что английские и ирландские Тартюфы завопили об „оскорблении тишины и спокойствия". Если ко всему этому прибавить, что

Джойс говорит о боге и об отношениях между полами все и до конца, ни мало не останавливаясь перед неслыханными еще кощунствами и описанием интимнейших отношений—описанием, данным с бесстрастностью анатома, демонстрирующего перед студентами препарированный труп,—станет понятным тот шум, какой два года назад был поднят вокруг „Улисса" и ныне еще не умолк.

Ниже мы даем пять отрывков из романа, при чем первый—начало, а последний—конец. Отрывки выбраны так, чтобы дать хотя бы отдаленное представление о стилистических приемах автора, чья техника совершенно оригинальна, а словарь—исключителен по богатству.

Ред.

УЛИСС

. . . .

Видный, полный Бак Муллигэн появился на площадке, неся чашку с мыльной пеной, над которой лежали крестом зеркало и бритва. Нежный утренний ветерок слегка развевал позади него желтый распоясанный халат. Муллигэн поднял чашку кверху и возгласил:

— Jntroibo ad altare Dei.

Остановившись, он заглянул вниз на темную витую лестницу и грубо позвал:

— Иди сюда, Кинч. Иди сюда, ужасный иезуит!

Торжественно Муллигэн прошел вперед и взобрался на круглый пушечный лафет. Повернувшись, он с серьезным лицом трижды благословил башню, окружающие поля и пробуждающиеся горы. Затем, заметив Стивена Дедалуса, он склонился к нему и стал быстро крестить воздух, глухо бормоча и покачивая головой. Стивен Дедалус, недовольный и заспанный, оперся руками о верхнюю ступеньку лестницы и холодно смотрел на покачивающееся, бормочущее, благословляющее его лицо, казавшееся лошадиным благодаря своей длине, и на пушистые нестриженные волосы, оттенка светлого дуба.

Бак Муллигэн заглянул на мгновение под зеркало, затем быстро накрыл чашку.—Назад, в казарму,—сказал он строго. И добавил тоном проповедника:

— Ибо сие, о возлюбленные, истинная Христова плоть, и душа, и кровь. Медленную музыку, пожалуйста! Закройте

глаза, господа! Одну минуту. Маленькая неприятность с этими белыми облатками. Молчание, прошу вас!

Он скосил глаза кверху и вбок и издал продолжительный, низкий призывный свист; его ровные белые зубы поблескивали там и сям золотыми точками. Златоуст. В тишине раздались два сильные, пронзительные ответные свистки.

— Спасибо, старина,—крикнул Муллигэн бодро.—Этого вполне достаточно. Выключи ток, пожалуйста.

Он соскочил с лафета и поглядел серьезно на своего наблюдателя, собирая вокруг ног свободные полы своего халата. Полное затененное лицо и упрямый овал напоминали прелата, средневекового покровителя искусств. Приятная улыбка появилась на его губах.

— Какая насмешка,—сказал он весело,—твое нелепое имя, древний грек.

С дружеской шутливостью, он показал на Стивена пальцем и отошел к парапету, посмеиваясь про себя. Стивен Дедалус поднялся по ступенькам, устало последовал за ним и на полдороге сел на край лафета, продолжая наблюдать за тем, как Муллигэн подпер зеркало на парапете, обмакнул кисточку в чашку и намылил щеки и шею.

. . . .

— Скажи мне, Муллигэн,—сказал Стивен тихо.

— Да, любовь моя?

— Сколько времени Хэйнс будет оставаться в этой башне?

Бак Муллигэн показал бритую щеку через свое правое плечо.

— Боже, не правда ли, он ужасен?—сказал он откровенно.— Тяжеловесный саксонец. Он думает, что ты не джентльмен. Господи, эти проклятые англичане! Они лопаются от денег и несварения. Потому что сам он из Оксфорда. Знаешь, Дедалус, у тебя настоящие оксфордские манеры. Он не может тебя раскусить. О, мое прозвище для тебя самое лучшее: Кинч, лезвее ножа.

Он осторожно начал брить подбородок.

— Всю ночь он бредил черной пантерой,—сказал Стивен.—Где его ящик с ружьями?

— Прискорбное сумасшествие,—сказал Муллигэн. —Ты струсил?

— Да,—сказал Стивен энергично, с возрастающим страхом.—Здесь, в темноте, с человеком, которого я не знаю, бредящим и стонущим, что он застрелит черную пантеру. Ты спасал утопающих. Но я не герой. Если он остается, я ухожу.

. . . .

— Подумать только, что приходится просить у этих свиней. Я единственный человек, который тебя понимает. Почему ты не доверяешь мне больше? Из-за чего ты на меня дуешься? Из-за Хэйнса? Если он будет здесь шуметь, я приведу Сеймура, и мы ему зададим хуже, чем задали Клайву Кемпторпу.

. . . .

— Пусть остается,—сказал Стивен.—Он ничем не мешает, только вот ночью.

— Тогда в чем дело?—сказал Бак Муллигэн нетерпеливо.—Выкладывай. Я с тобой вполне откровенен. Что ты имеешь против меня, ну?

Они стояли, глядя на тупой мыс Брэй-Хэд, лежавший на воде, как морда спящего кита. Стивен тихо высвободил свою руку.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе?—спросил он.

— Да, в чем дело,—ответил Бак Муллигэн.—Я ничего не помню.

Говоря это, он смотрел Стивену в лицо. Легкий ветер скользил по его лбу, тихонько развевая его светлые волосы и шевеля серебряные точки беспокойства в его глазах.

Стивен, подавленный своим собственным голосом, сказал:

— Помнишь ли ты тот день, когда я в первый раз после смерти моей матери пришел к вам в дом?

Бак Муллигэн быстро нахмурился и сказал:

— Что? Где? Я ничего не могу вспомнить. Я помню только мысли и ощущения. Почему? Что случилось, ради бога?

— Ты готовил чай,—сказал Стивен,—и я пошел через площадку, чтобы принести еще горячей воды. Твоя мать и какой-то посетитель вышли из гостиной. Она спросила тебя, кто у тебя в комнате.

— Да?—сказал Бак Муллигэн.—Что я ответил? Я забыл.

— Ты сказал,—ответил Стивен.—„О, это только Дедалус, у которого издохла мать“.

Краска, заставившая его казаться моложе и привлекательнее, залила щеки Бака Муллигэна.

— Я это сказал?—спросил он.—Ну? Что же здесь плохого?

Он нервно стряхнул с себя смущение.

— А что такое смерть,—спросил он,—твоей матери или твоя, или моя собственная? Ты видел только смерть твоей матери. Я каждый день вижу, как они отправляются на тот свет, и в университете и в Ричмонде, и как их режут на ломтики в анатомическом театре. Это дрянная штука, и ничего больше. Это просто не имеет значения. Ты не хотел стать на колени, чтобы молиться за свою мать на смертном одре, когда она просила тебя об этом. Почему? Потому что в тебе есть эта проклятая иезуитская жилка, только она направлена не в ту сторону. Для меня все это издевательство и скотство. Ее мозговые дольки не функционируют. Она зовет доктора сэра Литера Тиэль и шарит пальцами по одеялу. Угождайте ей, пока все не кончится. Ты не исполнил ее последнего предсмертного желания, а на меня дуешься за то, что я не вою, как наемный факельщик от Лалуэта. Нелепо! Наверное, я это сказал. Я не хотел оскорбить память твоей матери.

Он осмелел от собственных слов. Стивен, скрывая зияющие раны, какие эти слова оставили в его сердце, сказал очень холодно:

— Я думаю не о том, что ты оскорбил мою мать.

— О чем же, тогда?—спросил Бак Муллигэн.

— О том, что ты оскорбил меня,—ответил Стивен.

Бак Муллигэн повернулся кругом на каблуке.

— О невозможный человек!—воскликнул он.

Он быстро зашагал кругом вдоль парапета. Стивен стоял на своем месте, глядя через спокойный залив на мыс. Море и мыс потускнели. Кровь приливала толчками к его глазам, туманя зрение, он чувствовал лихорадочный жар на своих щеках.

Громкий голос позвал изнутри башни.

— Ты там наверху, Муллигэн?

— Я иду,—ответил Муллигэн.

Он повернулся к Стивену и сказал:

— Посмотри на море. Какое ему дело до обид? Плюнь на Лойолу, Кинч, и идем вниз. Сассенах *) ждет своей утренней ветчины.

. . . .

Ключ громко проскрипел два раза, и, когда распахнули тяжелую дверь, в нее ворвался желанный свет и свежий воздух. Хэйнс стоял в дверях, глядя наружу. Стивен подтащил свой поставленный стоймя чемодан к столу и сел на него в ожидании. Бак Муллигэн бросил поджаренную ветчину на стоявшее рядом блюдо. Затем отнес блюдо и большой чайник к столу, тяжело поставил их и облегченно вздохнул.

— Я таю,—сказал он,—как восковая свеча, когда... Но, тсс... Ни слова больше об этом. Кинч, проснись. Хлеб, масло, мед. Хэйнс, входи. Корм готов. Где сахар? О идиотство, молока нет!

Стивен принес из буфета хлеб, горшок с медом и масленку. Бак Муллигэн, внезапно рассерженный, сел.

— Что это за трактир?—сказал он.—Я ей велел прийти в начале девятого.

— Мы можем выпить черное,—сказал Стивен.—В буфете есть лимон.

— А, к чорту тебя и твои парижские выдумки,—сказал Бак Муллигэн.—Я хочу Сэндиковского молока.

Хэйнс подошел от двери и спокойно сказал:

---

*) Ирландское — англичанин. (Прим. пер.)

— Эта женщина идет, с молоком.

— Благослови тебя бог,—воскликнул Бак Муллигэн, вскакивая со стула.—Садись. Наливайте чай. Сахар в мешке. Ах, не могу я возиться с этими проклятыми яйцами!—Он разрезал жареную ветчину на блюде и шлепнул куски на три тарелки, говоря:

— Во имя отца и сына и духа святого!

Хэйнс сел, чтобы налить всем чай.

— Я кладу каждому по два куска,—сказал он.—Но послушай, Муллигэн, ты завариваешь очень крепкий чай.

Бак Муллигэн, отрезывая толстые ломти от хлеба, сказал старушечьим, слащавым голосом:

— Когда я делаю чай,—я делаю чай, как говорила старуха Грогэн. А когда я делаю воду,—я делаю воду.

— Клянусь Юпитером, это чай,—сказал Хэйнс.

. . . .

В дверях появилась входящая фигура.

— Молоко, сэр.

— Входите, сударыня,—сказал Муллигэн.—Кинч, достань кувшин.

Старуха вошла и остановилась около Стивена.

— Чудесное утро, сэр,—сказала она.—Слава богу.

— Кому?—спросил Муллигэн, взглянув на нее.—Ах да, конечно.

Стивен потянулся назад и взял кувшин из буфета.

— Островитяне,—бросил, между прочим, Муллигэн Хэйнсу,—часто упоминают о любителе обрезания.

— Сколько, сэр?—спросила старуха.

— Кварту,—сказал Стивен.

Он следил, как она наливает в меру, а оттуда в кувшин густое белое молоко. Наливая его, она хвалила его качество.

— Действительно хорошее, сударыня,—сказал Бак Муллигэн, наливая всем в чашки молоко.

— Попробуйте, сэр,—сказала она.

Он выпил, как она просила.

— Если бы мы могли только питаться такой хорошей пищей, как вот эта,—сказал он ей громко,—наша страна не была бы полна гнилых зубов и гнилых внутренностей. Живем в болоте, едим дешевую еду, а улицы покрыты пылью, лошадиным навозом и плевками чахоточных.

— Вы студент-медик, сэр?—спросила старуха.

— Да, сударыня,—ответил Бак Муллигэн.

Стивен слушал в презрительном молчании. Она склоняет свою старую голову перед голосом, который говорит с ней громко, перед костоправом, перед лекарем: на меня она не обращает внимания. Перед голосом, который исповедует и соборует для могилы все, что составляет ее тело, кроме ее нечистого женского лона; тело, сотворенное из тела мужчины,—добычу змия. И перед этим громким голосом, который заставляет ее сейчас молчать с удивленными, блуждающими глазами.

— Вы понимаете, что он говорит? — спросил ее Стивен.

— Вы сейчас по-французски говорите?—сказала старуха Хэйнсу.

Хэйнс уверенно обратился к ней с более длинной речью.

— По-ирландски, — сказал Бак Муллигэн. — По-гэльски знаете?

— Я так и думала, что по-ирландски,- сказала она,—по звуку слышно. Вы с запада, сэр?

— Я англичанин,—ответил Хэйнс.

— Он англичанин, — сказал Бак Муллигэн, — и думает, что мы в Ирландии должны говорить по-ирландски.

— Конечно, должны,—сказала старуха,— и мне стыдно, что я сама не говорю на этом языке. Мне говорили те, кто его знает, что это великий язык.

. . . .

ТРУБКА МИРА

Дж. Дж. О'Моллой предложил папиросу профессору и взял сам. Ленехэн быстро зажег для них спичку и по очереди дал им прикурить. Дж. Дж. О'Моллой снова открыл свой портсигар и протянул его.

— „Мерси вас",—сказал Ленехэн, беря папиросу.

Редактор вышел из задней комнаты, в надвинутой криво на лоб соломенной шляпе. Он продекламировал нараспев, сурово указывая на профессора Мак-Хью:

Слава и титул тебя соблазнили,
Власть привлекла твое сердце.

Профессор ухмыльнулся, поджимая свои длинные губы.

— А? Вы, проклятая древняя римская империя?—сказал Майльс Крофорд.

Он взял папиросу из открытого портсигара. Ленехэн с поспешной предупредительностью дал ему прикурить и сказал:

— Внимание моей самоновейшей загадке!

— Imperium Romanorum,—сказал тихо Дж. Дж. О'Моллой.— Это звучит благороднее, чем „британская" или „бритская". Это слово чем-то напоминает сало на огне.

Майльс Крофорд с силой выдохнул свою первую затяжку к потолку.

— Вот именно, — сказал он. — Сало это—мы. Вы и я— сало на огне. Наши шансы хуже, чем у снежка в аду.

БЫЛОЕ ВЕЛИЧИЕ РИМА

— Постойте, — сказал профессор Мак-Хью, поднимая успокоительно две лапы.—Нас не должны вводить в заблуждение слова, звук слов. Мы представляем себе Рим имераторский, властный, повелевающий.

Он простер красноречивым жестом руки в обтрепанных, запачканных манжетах, делая паузу.

— Чем была их цивилизация? Обширна,—я согласен, но низменна. Клоаки: канализационные трубы. Иудеи в пустыне и на вершине горы говорили: „Здесь подобает быть. Построимте алтарь Иегове“. Римлянин, как и англичанин, который следует по его стопам, приносил на каждый новый берег, на который ступала его нога (на наш берег она никогда не ступала), только свою канализационную манию. Он, в своей тоге, осматривался вокруг и говорил:—Здесь подобает быть. Давайте построим ватерклозет.

— Что они сейчас же и делали,—сказал Ленехэн.—Наши старые, древние предки, как мы читали в первой главе Гиннеса, любили проточную воду.

— Они были рыцарями природы,—пробормотал Дж. Дж О'Моллой.—Но у нас также есть римское право.

— И Понтий Пилат—его пророк,—отозвался профессор Мак-Хью.

— Знаете вы эту историю с бароном Поллэ?—спросил Дж. Дж. О'Моллой.—Это было на королевском университетском обеде. Все шло великолепным образом...

— Сначала моя загадка,—сказал Ленехэн.—Вы готовы?

М-р О'Мэдден-Берк, высокий, весь в сером из донегальской шерсти, вошел из передней. Стивен Дедалус, позади него, входя снял шляпу.

— Entrez, mes enfants!—воскликнул Ленехэн.

— Я сопровождаю просителя, — сказал мелодично м-р О'Мэдден-Берк.—Юность, ведомая Опытом, посещает Известность.

— Как поживаете?—сказал редактор, протягивая руку.— Входите. Ваш отец только что ушел.

? ? ?

Ленехэн сказал, обращаясь ко всем:

— Молчание! Какая опера похожа на железнодорожную линию? Размышляйте, взвешивайте, обдумывайте, отвечайте.

Стивен передал отпечатанные на машинке листки, указывая на заголовок и подпись.

— Кто?—спросил редактор.

Кусочек оторван.

— М-р Гэррет Дизи,—сказал Стивен.

— Этот старый надоеда,—сказал редактор.—Кто это порвал? У него внезапно заболел живот?

— Здравствуйте, Стивен,—сказал профессор, подходя, чтобы заглянуть через их плечи.—Копытная болезнь? Вы сделались?..

— Поэтом, который покровительствует быкам.

СКАНДАЛ В ИЗВЕСТНОМ РЕСТОРАНЕ

— Здравствуйте, сэр,—ответил Стивен, краснея.—Письмо не мое. М-р Гэррет Дизи просил меня, чтобы я...

— О, я его знаю,—сказал Майльс Крофорд,—я знал его жену тоже. Самая проклятая старая ведьма, которую когда-либо сотворил бог. Клянусь Иисусом, что у нее была копытная болезнь, будьте уверены! Тот вечер, когда она выплеснула суп в лицо лакею в „Звезде и Подвязке“. Ого!

— Через женщину грех пришел в мир. Из-за Елены, сбежавшей жены Менелая, десять лет греки... О'Рурк, принц Бреффни.

— Он вдовец?

— Да, соломенный,—сказал Майльс Крофорд, пробегая глазами рукопись.

. . . .

Профессор провел рукой по широким галстукам Стивена и м-ра О'Мэдден-Берка.

— Париж, в прошлом и в настоящем,—сказал он.—Вы похожи на коммунаров.

— На тех парней, которые взорвали Бастилию, — сказал Дж. Дж. О'Моллой со спокойной насмешкой.—Или вы убили генерал-губернатора Финляндии, вы двое? Вид у вас такой, как будто бы это вы сделали. Генерала Бобрикова.

ОБЩИЙ С'ЕЗД

— Мы только обдумывали это,—сказал Стивен.

— Все таланты, — сказал Майльс Крофорд. — Юриспруденция, классицизм...

— Ипподром,—вставил Ленехэн.

— Литература, печать.

— Если бы Блум был здесь,—сказал профессор.—Искусство об'явлений.

— И мадам Блум,—добавил м-р О'Мэдден-Берк.—Вокальная муза. Первая любимица Дублина.

Ленехэн громко кашлянул.

— Гм, — сказал он очень тихо. — О, хоть бы глоток свежего воздуха. Я простудился в парке. Калитка была отворена.

„ВЫ ЭТО СУМЕЕТЕ СДЕЛАТЬ“

Редактор положил нервную руку на плечо Стивена.

— Я хочу, чтобы вы для меня что-нибудь написали,— сказал он.—Что-нибудь этакое с перцем. Вы это сумеете сделать. Я вижу это по вашему лицу. „В лексиконе юности“...

— Вижу это по вашему лицу. Вижу это по вашим глазам. Ленивый бездельник, мелкие планы.

— Копытная болезнь!—воскликнул редактор с презрительным осуждением.—Большой митинг националистов в Боррасин-Оссори. Все болтовня! Морочат публику! Дайте им что-нибудь с перцем. Вставьте нас всех туда, чорт побери его душу.

— Мы всем можем служить духовной пищей,—сказал м-р О'Мэдден-Берк.

Стивен поднял глаза, встретившись с открытым, бесстрашным взглядом.

— Он хочет завербовать вас в артель журналистов,—сказал Дж. Дж. О'Моллой.

Разговор в таверне

. . . .

— К чорту проклятых грубых Сассенахов и их жаргон,—говорит гражданин.

Дж. Дж. вставляет тогда словечко, да так важно, что, мол, одна история хороша, пока не выслушаешь другой, и насчет пренебрежения фактами и про политику Нельсона, пытаясь втереть очки и составить обвинительный акт против нации, грозящий лишением прав и конфискацией имущества; а Блум старается поддержать его умеренность и ерундеренность, и их колонии и их цивилизации.

— Их сифилизации, вы хотите сказать,—говорит гражданин.—К чорту их. Пусть на этих толстопузых сыновей сукиных сынов падает проклятие ни к чему не годного бога! Ни музыки, ни искусства, ни литературы, достойных этого имени... Ту цивилизацию, какая у них есть, они украли у нас. Немые потомки духов незаконнорожденных.

— Европейская семья,—говорит Дж. Дж...

— Они не европейцы,—говорит гражданин. —Я бывал в Европе с Кэвин Игэном из Парижа. Вы не найдете и следа их самих или ихнего языка где-либо в Европе, не считая cabinet d'aisance.

А Джон Уайз говорит:

— Многие цветы созданы, чтобы цвести незаметно.

А Ленехэн, который знает немного по-ихнему, говорит:
— Conspuez les Anglais! Perfide Albion!

. . . .

И Дж. Дж. и гражданин продолжают спорить о законах и об истории, а Блум вставляет время от времени свои замечания.

— Некоторые люди, — говорит Блум, — видят соринку в чужом глазу, а не могут заметить бревна в своем собственном.

— Raimeis, — говорит гражданин. — Никто не слеп так, как тот, кто не хочет видеть, если вы знаете, что это значит. Где наши недостающие двадцать миллионов ирландцев, которые должны были бы быть здесь сейчас, вместо четырех; где наши потерянные племена? А наши гончарные изделия и ткани, самые тонкие во всем мире! А наша шерсть, которую продавали в Риме во времена Ювенала, и наш лен; и тканое узорами полотно с ткацких станков Антрима; и наше лимерикское кружево, наши кожевенные изделия; и наш белый флинтглас оттуда, из Бэллибоу; и наш гугенстский поплин, который у нас делают со времен Жакара из Лиона; и наша шелковая пряжа и фоксфордские шерстяные ткани; и ручное кружево, цвета слоновой кости, из Кармелитского монастыря в Нью-Роз, во всем белом свете нет ничего ему подобного. Где греческие купцы, приезжавшие через Геркулесовы столбы, — через Гибралтар, ныне захваченный врагом рода человеческого, — с золотом и тирским пурпуром, чтобы продавать его в Вексфорде на ярмарке Кармена? Почитайте Тацита и Птолемея, даже Гиральдуса Камбренсис. Вино, шкуры, мрамор Коннемары; серебро из Типперари, не имеющее себе равного; наши прославленные лошади, знаменитые даже теперь, ирландские лошади; а предложение короля испанского Филиппа платить таможенные пошлины за право ловить рыбу в наших водах. Сколько эти рыжие из Англии должны нам за нашу разоренную промышленность и наши разрушенные очаги? А русла Бэрроу и Шаннона, которые они не хотят углублять;

а миллионы акров болота, чтобы заставить нас всех умереть от чахотки.

— Мы скоро будем так же безлесны, — говорит Джон Уайз, — как Португалия или Гельголанд, с его единственным деревом, если только как-нибудь не насадят леса вновь. Лиственницы, сосны, — все деревья хвойной породы быстро исчезают. Я читал в отчете лорда Кастльтауна...

— Спасите их, — говорит гражданин, — гигантский ясень Голвэя и княжеский вяз Кильзара, с сорока-футовым стволом и акром листвы. Спасите деревья Ирландии для будущих сыновей Ирландии, на прекрасных холмах Эрина. О!

— На вас смотрит вся Европа, — говорит Ленехэн.

. . . .

— И мы смотрим на Европу, — говорит гражданин. — Мы торговали с Испанией и французами и фламандцами, когда эти дворняги еще не родились, испанский эль в Голвэй, корабль с вином на темных, как вино, водах.

— И снова будем, — говорит Джо.

— И будем снова, — говорит гражданин, хлопая себя по бедру. — Наши гавани, сейчас пустые, будут снова полны, — Квинстаун, Кинсэйль, Голвэй, Блэксод-Бэй, Вентри в королевстве Керри, Киллибегс — третья по величине гавань на всем белом свете, с лесом мачт судов, принадлежавших Голвэйским Линчам и О'Рейлям из Кавана и О'Кеннеди из Дублина, когда герцог Десмондский мог заключать договоры с самим императором Карлом Пятым. И снова будем, — говорит он, — когда мы увидим первое ирландское военное судно, разрезающее волны, с нашим собственным флагом на мачте, не с вашими арфами Генри Тюдора, нет, с самым старым морским флагом, с флагом провинций Десмонд и Томонд, три короны на синем поле, три сына Милезия *).

---

*) Легендарный испанский король, сыновья которого завоевали Ирландию в 1300 г. до Р. Х. (Прим. пер.)

И он потянул остаток из своей пинты. У коннахтских коров длинные рога. Он бы рисковал своей проклятой жизнью, если бы отправился и обратился со своей высокопарной речью к толпе, собравшейся в Шанагольдене, куда он не смеет показать нос, так как все Молли Мэгуайрс высматривают его, чтобы прикончить его за то, что он захватил участок изгнанного арендатора.

— Слушайте, слушайте, — говорит Джон Уайз. — Что вы хотите?

— Императорской кавалерии, — говорит Ленехэн, — ради торжественного случая.

— Полбутылки, Терри, — говорит Джон Уайз, — и шипучей. Терри! Вы заснули?

— Да, сэр, — говорит Терри. — Малую виски и бутылку содовой. Слушаю, сэр.

Сидел над этой проклятой газетой вместе с Альфом, выискивая забористые места, вместо того, чтобы прислуживать всей публике. Рисунки матча бокса; стараются расколоть друг другу череп, один нападает на другого, наклонив голову, как бык перед воротами. И другой рисунок: „Сожжение черного зверя в Омаге, Джорджия". Целая куча парней в мягких шляпах стреляют в негра, повешенного на дереве; язык у него высунут, а под ним костер. Им бы после этого утопить его в море и казнить на электрическом стуле, и распять его, чтобы быть уверенными в своей работе.

— Ну, а как, — говорит Нед, — насчет боевого флота, который сдерживает наших врагов?

— Я вам скажу насчет этого, — говорит гражданин. — Это ад на земле. Почитайте разоблачения, которые печатаются сейчас в газетах, о порке на учебных судах в Портсмуте. Пишет какой-то, называющий себя „Возмущенный".

— И начинает рассказывать нам о телесном наказании и о команде матросиков, и офицерах, и контр-адмиралах, выстроившихся в треуголках, и о пасторе с его протестантской библией, явившемся для присутствия при наказании; затем

вытаскивают молодого парнишку, орущего „мама“, и привязывают его к казенной части орудия.

— „Всыпать горячих“, — говорит гражданин, — вот как этот старый негодяй — сэр Джон Бересфорд — называл это, но современный богобоязненный англичанин называет это — „наказание палками на орудии“.

А Джон Уайз говорит:

— Это обычай, который бывает более почтен нарушением, чем соблюдением.

— Потом, — рассказывает он нам, — подходит тюремный сторож с длинной бамбуковой палкой и, размахнувшись, начинает сечь по заднице несчастного парня, пока тот не начинает реветь „meila“ — убивают.

— Вот ваш славный британский флот, — говорит гражданин, — флот, который господствует на земле. Те самые, которые никогда не будут рабами, с единственной наследственной палатой на лице земли божьей, а земля их в руках дюжины кабанов-охотников и хлопковых баронов. Вот великая империя, которой они хвастают, империя угнетенных наемников и рабов, которых секут.

— Над которой солнце никогда не восходит, — говорит Джо.

— И вся трагедия в том, — говорит гражданин, — что они этому верят. Несчастные иегу *) этому верят.

— Они веруют в розгу, кару всемогущую, сотворившую ад на земле, и в Джэки Тар, **) собачьего сына, зачатого от нечистого хвастовства, рожденного боевым флотом, который страдал под розгами, был иссечен до крови, бит, пока не слезла кожа, выл, как проклятый, на третий день восстал с постели, прибыл в гавань, восседает на конце бимса в ожидании приказаний, откуда он сойдет, чтобы работать, как раб, за пропитание и получать плату ***).

---

*) Иегу — низменные человекоподобные существа в царстве лошадей в „Путешествиях Гулливера“ Свифта. (Прим. пер.)

**) Так называют матросов.

***) В английском тексте этот абзац отличается от Символа веры фонетически лишь очень незначительно. (Прим. ред.)

— Но,—говорит Блум,—разве дисциплина везде не та же? Я хочу сказать, не будет ли и здесь так же, если вы противопоставите силу силе.

— Разве я вам не говорил? Так же верно, как то, что я пью этот портер,—если бы он был при последнем издыхании, он бы пытался доказать вам в лицо, что мертвое—это живое.

— Мы противопоставим силу силе,—говорит гражданин.— Наша великая Ирландия за морем. Их выгнали из дома и родины в черном 47-м году. Их землянки и придорожные хижины сравняли с землею тараном, а „Таймс" потирал руки и уверял трусливых саксонцев, что скоро в Ирландии будет так же мало ирландцев, как в Америке краснокожих. Даже Великий Турок посылал нам свои пиастры. Но Сассенах пытался выморить народ на его родине голодом, в то время как страна давала полные урожаи, которые британские гиены скупали и продавали в Рио-де-Жанейро. Да, они выгоняли крестьян толпами. Двадцать тысяч умерло на старых, скверных судах. Но те, кто прибыл в страну свободы, помнят о стране рабства. И они вернутся как мстители, не как трусы, сыновья Грэнюэйля, рыцари Кэтлин-ин-Хулихэн.

— Совершенно верно,—говорит Блум,—но я хотел сказать...

— Мы уж давно ждем этого дня, гражданин,—говорит Нед.—С того времени, как бедная старуха сказала нам, что французы прибыли морем и высадились в Киллала.

— Да,—говорит Джон Уайз.—Мы сражались за королевский род Стюартов, который отрекся от нас, против Вилльямитов, и они предали нас. Вспомните Лимерик и разбитую скрижаль договора. Мы отдали свою кровь Франции и Испании, глупцы. Фонтенуа, а? И Сасфильд и О'Доннель, герцог Тетуанский в Испании и Улисс Браун из Камуса, который был фельдмаршалом у Марии Терезы. Но что мы за это получали?

— Французы! — говорит гражданин. — Учителя танцев? Знаете, что? Их отношение к Ирландии никогда даже плевка

не стоило. Разве они не пытаются сейчас наладить Entente cordiale на званом обеде с коварным Альбионом? Поджигатели Европы, вот чем они всегда были.

— Conspuez les Français, — говорит Ленехэн, прихлебывая пиво.

— А что касается пруссаков и ганноверцев, — говорит Джо,—то не довольно ли с нас этих незаконнорожденных колбасников на троне, начиная с Георга Электора и кончая немецким парнишкой и толстопузой старой сукой, которая умерла?

Иисусе, я не мог удержаться от смеха, так он рассказал эту историю про то, как старуха, в очках, напивается в лоск в своем королевском дворце каждый божий вечер, старая Вик, со своей кружкой сивухи, и кучер отвозит ее со всеми ее потрохами, чтобы вывалить ее на постель, а она дергает его за бакенбарды и поет ему отрывки из старых песенок „Эрен на Рейне“ и „Идем выпьем, где дешевле“.

. . . .

А Блум все говорит с Джоном Уайзом, совсем взволновался, и его старые глаза-сливы ворочаются на его грязно-коричневой роже.

— Преследования, — говорит он, — вся мировая история полна ими. Поддерживание национальной вражды между нациями.

— Но знаете ли вы, что значит нация? — говорит Джон Уайз.

— Да,—говорит Блум.

— Что же?—говорит Джон Уайз.

— Нация?—говорит Блум. — Нация — это одни и те же люди, живущие на одном месте.

— Ей-богу,—говорит Нед, смеясь,—если так, то я—нация, так как я живу на одном месте вот уже пять лет.

Конечно, все начали смеяться над Блумом, а он говорит, пытаясь выпутаться:

— Или живущие в разных местах.

— Это подходит к моему случаю,—говорит Джо.

— Какой вы нации, позвольте спросить,—говорит гражданин.

— Ирландской,—говорит Блум.—Я родился здесь, в Ирландии.

. . . .

— И я принадлежу к племени,—говорит Блум, — которое ненавидят и преследуют. Сейчас тоже. В эту самую минуту. В это самое мгновение.

Честное слово, он чуть не обжег себе пальцы окурком своей сигары.

— Нас грабят,—говорит он.—Громят. Оскорбляют. Преследуют. Отбирают то, что принадлежит нам по праву. В эту самую минуту, — говорит он, поднимая кулак, — нас продают с аукциона в Марокко, как рабов или скот.

. . . .

— Но это бесполезно,—говорит он.—Сила, ненависть, история—все. Это не жизнь для людей, оскорбления и ненависть. И все знают, что только прямая противоположность этому и есть настоящая жизнь.

— Что?—говорит Альф.

— Любовь,—говорит Блум.—Я подразумеваю нечто противоположное ненависти. Я должен итти, — говорит он Джону Уайзу.—Я только зайду на минуту в сад, чтобы посмотреть, там ли Мартин. Если он придет, скажите, что я вернусь через секунду. Я только на минуту.

— Кто тебя держит?—И он помчался пулей.

— Новый апостол перед язычниками, — говорит гражданин.—Всеобщая любовь.

— Что ж,—говорит Джон Уайз. — Разве нам не говорят этого. Люби своего ближнего.

— Это он-то?—говорит гражданин. — Об'егоривай своего ближнего—вот его девиз. Любовь! Хороший образчик Ромео и Джульетты.

Любовь любит любить любовь. Няня любит нового аптекаря. Полицейский 14 А любит Мэри Келли. Герти Мак-Доу-

эллъ любит этого мальчика с велосипедом. М. Б. любит прекрасного джентльмена. Ли-Чи-Хан любить-любить целовать Ча-Пу-Чоу. Джумбо, слон, любит Алису, слониху. Старый м-р Верскойль со слуховым рожком любит старую м-с Верскойль с косым глазом. Человек в коричневом плаще любит Лэди, которая умерла. Его величество король любит ее величество королеву. М-с Нормэн В. Таппер любит офицера Тэйлора. Вы любите кого-то. А этот кто-то любит еще кого-то, потому что каждый кого-нибудь любит, но бог любит всех.

— Ну, Джо,—говорю я,—за ваше доброе здоровье и голос. Вам всего лучшего, гражданин.

— Ура,—говорит Джо.

— Благослови вас бог и Мария Патрик, — говорит гражданин. И он встает со своей кружкой, чтобы промочить горло.

— Знаем мы этих лицемеров,—говорит он, —которые проповедуют и в то же время обкрадывают ваши карманы. Что вы скажете о святоше Кромвеле и его железной гвардии, которые предавали мечу женщин и детей Дрогеда, наклеив вокруг жерла пушки библейский текст: „Бог есть любовь"? Библия! Вы читали этот очерк в „Юнайтед Айришмен" сегодня—о зулусском вожде, который гостит в Англии?

. . . .

— Вот как они работают,—говорит гражданин.—Торговля следует за флагом.

— Ну,—говорит Дж. Дж.,—если они хуже, чем бельгийцы в Свободном Конго, то они, должно быть, плохи. Читали вы отчет, этого... как его зовут?

— Кейзмента,—говорит гражданин.—Он ирландец.

— Да, он самый,—говорит Дж. Дж. — Они насиловали женщин и пороли туземцев по животу, чтобы выжать из них весь каучук, сколько можно.

. . . .

У Блума

. . . .

О ЧЕМ РАССУЖДАЛ ДУУМВИРАТ НА СВОЕМ ПУТИ?

О музыке, литературе, Ирландии, Дублине, Париже, дружбе, женщине, проституции, диэте, о влиянии газового света или света дуговых фонарей и лампочек накаливания на рост окружающих их парагелиотропических деревьев, о стоящих на улицах бочках для поливки, о римско-католической церкви, безбрачии духовенства, ирландской нации, иезуитском воспитании, о карьере, изучении медицины, прошедшем дне, о зловредном влиянии предсубботнего вечера, об обмороке Стивена.

Открыл ли Блум общие черты подобия между одинаковыми и неодинаковыми реакциями на переживания у каждого из них?

Оба были чувствительны к художественным впечатлениям, более к музыкальным, чем пластическим или живописным. Оба предпочитали континентальный образ жизни островному; цисатлантическое местопребывание трансатлантическому. Оба закаленные с раннего возраста домашней выучкой и унаследованным упорством в сопротивлении чуждым учениям, исповедывали неверие во многие ортодоксальные религии, национальные, социальные и этические доктрины. Оба

допускали поочередно стимулирующее и притупляющее влияние магнетизма другого пола.

. . . .

ЧТО СДЕЛАЛ БЛУМ ПО ПРИБЫТИИ ИХ К МЕСТУ НАЗНАЧЕНИЯ?

На ступеньках четвертого из равностоящих нечетных номеров, номера 7-го по Экклъз-Стрит, он машинально сунул руку в задний карман брюк, чтобы извлечь ключ от английского замка.

Был ли там ключ?

Он был в соответствующем кармане тех брюк, которые он надевал позавчера.

Почему он был вдвойне раздосадован?

Потому что он забыл, и потому что помнил, что напоминал себе два раза, чтобы не забыть.

Каковы были альтернативы перед парой, лишенной умышленно и (соответственно) неумышленно ключа?

Войти или не войти? Постучать или не постучать?

Решение Блума?

Прибегнуть к хитрости. Став ногой на каменный фундамент ограды, он перелез через решетку, окружающую глубокий двор, надвинул шляпу на голову, ухватился в двух точках за низ соединения калитки с решеткой, постепенно спустил свое тело на длину его, в пять футов девять с половиной дюймов, при чем до мощеной камнем земли осталось два фута десять дюймов, и позволил своему телу двигаться свободно в пространстве, отделившись от решетки и пригнувшись, чтобы приготовиться к удару от падения.

. . . .

ЧТО ВОСХИЩАЛО В ВОДЕ БЛУМА, ВОДОЛЮБА, ВОДОЧЕРПИЯ, ВОДОНОСА, КОГДА ОН ВОЗВРАЩАЛСЯ К КУХОННОЙ ПОЛКЕ?

Ее универсальность; ее демократическое равенство и постоянство в стремлении к одному уровню; ее обширность, в океанах на Меркаторской проекции; ее неизмеренная глубина в Сандэмской складке Тихого океана, превышающая 48.000 футов; неустанная подвижность ее волн и поверхностных частиц, кочующих поочередно по всем морским берегам; независимость ее частиц; изменчивость состояний моря; ее гидростатический покой в затишье; ее гидрокинетический под'ем во время максимальных и минимальных приливов; ее спадание после разрушений; ее бесплодность в околополярных ледяных полях, арктических и антарктических; ее климатическое и коммерческое значение; ее преобладание, в отношении 3 к 1, над сушей земного шара; ее неоспоримая гегемония по пространству в квадратных милях, простирающаяся на всю область к югу от тропика Козерога; многовековое постоянство ее древнейшего бассейна; ее оранжево-красные русла; ее способность растворять и держать в растворе все растворимые вещества, включая миллионы тонн самых драгоценных металлов; производимое ею медленное разрушение полуостровов и опускающихся мысов; ее наносные отложения; ее вес, об'ем и плотность; ее непотревоженность в лагунах и маленьких горных озерах; градация ее цветов в тропическом, умеренном и холодном поясах; ее судоходные разветвления в континентальных, впадающих в озера, потоках и слияния текущих в океан рек с их притоками в океанские течения; Гольфштрем, северное и южное экваториальные течения; ее бурность при землетрясениях на море, в водосточных трубах, артезианских колодцах, извержениях, водопадах, водоворотах, разливах, половодьях, морских валах, водонапорных будках, гейзерах, горных ручьях, мальстремах, наводнениях, потопах, ливнях; ее огромная, охватывающая землю, кривизна; ее таинственность в источниках и скрытая влажность, открываемая волшебным жезлом или гигро-

метрическими приборами, примером чего служит дыра в стене Эштаунских ворот; дистилляция росы; простота ее состава — две составных части водорода и одна составная часть кислорода; ее целительные свойства; ее способность поддерживать тяжелые тела, в Мертвом море; ее упорная способность проникать в канавки, овраги, неплотные плотины, течи на судах; ее свойства очищать, утолять жажду, гасить огонь и питать растительность; ее безупречность, как примера и образца совершенства; ее превращения в пар, туман, облака, дождь, крупу, снег и град; ее сила в тугих брандспойтах; разнообразие ее форм в заливах открытых и закрытых, в бухтах и излучинах, в лагунах и атоллах, и архипелагах, и проливах, и фиордах, и устьях рек, впадающих в океан, и в морских рукавах; ее твердость в ледниках, айсбергах, ледяных полях; ее покорность, когда она приводит в движение гидравлические мельничные колеса, турбины, динамо, электрические силовые станции, заводы хлорной извести, кожевенные заводы, льнотрепальные машины; ее полезность в каналах, реках, если они судоходны, и для пловучих и очистительных доков; ее потенциальная энергия, получаемая от впряженных в ярмо приливов или потоков, падающих с одного уровня на другой; ее подводная фауна и флора (анакустическая, фотофобная) — численно, если не буквально, население земного шара; ее вездесущность, так как она составляет 90% человеческого тела; вредность ее испарений на болотных озерах, гнилых болотах, покрытых цвелью лужах и стоячих прудах, когда луна на ущербе.

Зачем, поставив наполовину-полный чайник на уже горящие угли, он вернулся к крану, из которого продолжала течь вода?

Чтобы помыть свои запачканные руки частично израсходованным куском Бэрингтоновского, пахнущего лимоном, мыла, с еще прилипшей к нему бумагой (куплено тринадцать часов тому назад за четыре пенса и еще не оплачено) — в свежей, холодной, неизменной, вечно сменяющейся воде, и чтобы вы-

тереть лицо и руки длинным полотняным полотенцем с красной каймой, которое висело на деревянной вращающейся вешалке.

ЧЕМ ОБ'ЯСНИЛ СТИВЕН СВОЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ БЛУМА?

Тем, что он страдает водобоязнью и ненавидит частичное соприкосновение с холодной водой при омовении или полное при погружении в нее (последнее его купание имело место в октябре месяце прошлого года), и тем, что он не любит даже водоподобного вещества стекла и хрусталя и не доверяет водянистым мыслям и языку.

. . . .

Мэрион Блум размышляет в постели

. . . . вторая пара полушелковых чулок вся в дырах один день поносила я могла бы отнести их обратно Льюэрсу сегодня утром и поднять скандал и заставить их переменить только не стоило волноваться и рисковать встретить его и испортить все дело и я бы хотела один из этих корсетов в „Джентльвумен" об'явление дешевые с резиновыми клиньями на бедрах он сохранил тот который у меня есть но он никуда не годится что там сказано что они придают восхитительную линию фигуре 11/6 устраняя неприятное впечатление ширины в нижней части спины чтобы убавить тело мой живот немного чересчур велик придется прекратить пиво за обедом а то я к нему слишком пристрастилась последний раз прислали от О'Рурка такое безвкусное как трава ему деньги легко достаются его называют Лэрри прислал на Рождество скаредную посылку пирог и бутылку помоев которую он хотел всучить за кларет никто его не хотел пить господи сбереги ему его плевки чтобы он не помер от жажды или мне надо делать дыхательные упражнения интересно знать бывает ли толк от этих пилюль против полноты как бы не

переборщить худые сейчас не в моде подвязки и те что у меня есть фиолетовая пара которую я сегодня надевала вот и все что он мне купил из того чека который он получил первого ах нет еще жидкость для лица последнюю вчера употребила которая делала мою кожу прямо новой я ему сколько раз говорила закажи чтоб ее сделали там же не забудь бог один знает сделал ли он это после стольких напоминаний я во всяком случае узнаю по бутылке если нет придется умываться с опопонаксом и фиалкой я думала она уже делается грубой и старой нижняя кожа гораздо мягче там где слезло у меня на мизинце после ожога жалко что она не вся такая и четыре несчастных носовых платка за все около 6 шиллингов ведь нельзя же жить на этом свете без всего все деньги на еду и квартиру когда они у меня будут я их с шиком протранжирю уверяю вас мне всегда хочется бросить пригоршню чаю в чайник все размеривай и высчитывай если б я даже купила пару старых рыжих сапог тебе нравятся эти новые ботинки да сколько за них заплатила у меня абсолютно не во что одеться коричневый костюм и жакет с юбкой и тот что в чистке 3 что это для любой женщины переделываешь одну шляпу перекраиваешь другую мужчины на вас не хотят смотреть а женщины пытаются втоптать вас потому что они знают что у вас значит нет мужчины и все вещи дорожают каждый день четыре года мне осталось жить до 36 нет мне сколько мне 38 будет в сентябре так ну что же посмотрите на м-сс Гольбрейс она гораздо старше меня я видела ее когда выходила на прошлой неделе увядающая красота она была очаровательная женщина великолепные волосы до талии откидывала их назад вот так в роде Китти О'Ши на улице Грэнтэм первым делом каждое утро я смотрела на ту сторону как она их расчесывает как будто она любила это и была этим полна жалко что с ней познакомилась только накануне того дня когда мы уезжали и эта м-сс Лэнгтри Лилия Джерсея в которую был влюблен принц Уэльский я думаю он такой же как первый встречный только что называется король фф-фу кто знает была ли эта свиная котлета которую я потом с'ела за

чашкой чая достаточно свежая из-за жары я ничего не могла разобрать по запаху я уверена что этот страшного вида человек в мясной большой жулик я надеюсь что эта лампа не коптит набивается полный нос копоти лучше лампа чем чтобы он оставлял газ на всю ночь я не могла спокойно лежать в постели в Гибралтаре даже вставала чтобы посмотреть отчего я так беспокоюсь из-за этого хотя зимой мне нравится уютнее о господи какой дьявольский холод был в ту зиму когда мне было всего десять лет да десять у меня была большая кукла такие смешные туалеты раздевала и одевала ее этот ледяной ветер дувший с гор какая-то Невада Сиерра-Невада я становилась около огня задрав свою короткую рубашонку чтобы согреться я любила танцовать в ней по комнате потом мчаться назад в кровать я уверена что этот напротив все все время следил за мной летом потушив свет а я прыгала без всего мне самой нравилось потом раздевалась у умывальника растиралась и намыливалась только когда дело доходило до последней операции перед сном я тушила свет нас тогда было 2 прощай мой сон на эту ночь во всяком случае я надеюсь что он не собирается связаться с этими медиками сбивают его с пути чтобы он вообразил что он снова молодой возвращается домой в 4 утра наверное уж если не больше все-таки у него хватило деликатности не будить меня о чем они могут болтать всю ночь сорят деньгами и напиваются все сильнее и сильнее не могут они пить воду что ли а потом начинает заказывать нам яйца и чай и горячий жареный хлеб с маслом наверное он будет восседать как король ковыряя не тем концом ложки в яйце где он этому выучился и я люблю слышать как он по утрам спотыкается по лестнице и чашки стучат у него на подносе а потом играет с кошкой она любит об вас тереться интересно есть ли у нее блохи она хуже женщины все время облизывает и прилизывает но я ненавижу их когти интересно видят ли они что-нибудь такое чего мы не можем как она смотрит когда сидит наверху на лестнице подолгу и слушает всегда когда я жду что разбойник

чудесное тенистое место я себе купила на кладбище я думаю я возьму завтра немного рыбы сегодня что пятница да возьму наверное сейчас в Китае встают расчесывают на день свои косы скоро монахини будут звонить к заутрене к ним никто не приходит портить им сон кроме одного двух священников приходящих на ночные службы этот звонок в соседнем доме в двух шагах расколотит себе голову попробую не удастся ли задремать 1 2 3 4 5 что это за цветы которые они придумали как звезды обои на Ломбард Стрит были гораздо красивее передник который он мне подарил был похож на них только я надевала его только два раза лучше прикрутить лампу и попробовать опять я могу встать рано и пойти к Лэмбсу рядом с Финдлэйтером чтобы они прислали нам цветов поставить всюду на случай если он его приведет к нам завтра то-есть сегодня нет нет пятница несчастливый день я сначала хочу хоть немного здесь прибрать по-моему пыль здесь растет сама когда я сплю мы можем тогда поиграть на пианино будем курить папиросы я могу ему аккомпанировать сначала надо почистить клавиши пианино молоком что мне надеть не приколоть ли мне белую розу или эти воздушные пирожные у Липтона запах которых я люблю хороший богатый магазин по $7^1/_2$ пенсов за фунт или те другие с вишнями и розовым сахаром по 11 пенсов конечно фунта два красивое растение для середины стола я могу его достать дешевле в постойте где это я их недавно видела я люблю цветы я бы хотела чтобы вся квартира утопала в розах господи нет ничего лучше природы дикие горы затем море и катящиеся волны потом прекрасные поля с овсом и пшеницей и всякими вещами и весь этот чудесный скот который там бродит было бы так приятно посмотреть на реки и озера и цветы всевозможной формы и запаха и цвета растут даже в канавах скороспелки и фиалки это природа а что касается тех которые говорят что бога нет то я бы не дала гроша ломаного за всю их ученость отчего же они не пойдут и не сотворят чего-нибудь я у него часто спрашивала атеисты или как они там себя называют

пусть пойдут и отмоют с себя сначала кору грязи а потом воют чтобы им дали священника когда умирают а почему почему потому что они боятся ада из-за своей нечистой совести да да я их хорошо знаю кто был первое существо на свете раньше чем был кто-то который все это сделал кто ага этого они не знают и я тоже вот вам и все они могли бы с таким же успехом попытаться помешать солнцу встать утром солнце светит для вас сказал он мне в тот день когда мы лежали среди рододендронов на Гауте в сером шерстяном костюме и своей соломенной шляпе в тот день когда я заставила его сделать мне предложение да сначала я дала ему кусочек пирожка из своего рта это был високосный год как сейчас да 16 лет тому назад после этого долгого поцелуя я чуть не задохнулась да он сказал что я горный цветок да это так мы все цветы тело женщины да это была единственная верная вещь которую он сказал в своей жизни и солнце сегодня светит для вас да вот почему он мне нравился потому что я видела что он понимает или чувствует что такое женщина и я знала что всегда сумею его обкрутить и я доставила ему полное удовлетворение какое могла поощряя его пока он не попросил меня сказать да а я не хотела сначала отвечать и только смотрела в даль на море и небо я думала о стольких вещах о которых он не знал о Мульвее и м-ре Стэнгопе и Гестере и об отце и старом капитане Гровсе и о матросах играющих в разные игры на пристани а часовой перед домом губернатора с этой штукой вокруг белого шлема бедняга полуизжаренный и смеющиеся испанские девушки в своих платках в прическах с высокими гребешками а утренние аукционы греки и евреи и арабы и чорт их знает кто со всех концов Европы и Дьюк-Стрит и птичий базар все клохчет около Ларби Шэрона и бедные ослики спотыкающиеся в полудремоте и парни в плащах спящие в тени на ступеньках и большие колеса телег запряженных волами и старый тысячелетний замок да и эти красавцы мавры все в белом в тюрбанах как короли приглашающие вас присесть в их крохотной лавке и

Ронда со старыми окнами позади высматривает спрятавшись сквозь ставни своего возлюбленного поцелуи и железные и винные лавки полуоткрытые ночью и кастаньеты и та ночь когда мы опоздали на пароход в Алжесирасе а сторож ходил кругом спокойно со своим фонарем и о этот страшный водопад в глубине и море море иногда алое как огонь и великолепные закаты и фиговые деревья в садах Аламеды да и все эти смешные маленькие улички и розовые и голубые и желтые дома и сады роз и жасмин и герань и ,кактусы и Гибралтар где я была девочкой горный цветок да когда я вкалывала розу в волосы как обыкновенные андалузские девушки или мне приколоть красную и как он меня поцеловал у Мавританской стены и я подумала не все ли равно что он что другой и тогда я попросила его глазами чтобы он спросил еще раз да и тогда он спросил меня согласна ли я да сказать да мой горный цветок и я сначала обвила его руками да и привлекла его к себе так что он мог почувствовать мои груди вся ароматная и его сердце билось безумно и да я сказала да я согласна Да.

Перевод с английского
В. Житомирского

Шервуд Андерсон

Шервуд Андерсона знают у нас мало—по книге рассказов: „Уайнсбург, Огайо“ и по отдельным рассказам, напечатанным в некоторых периодических изданиях. Это тем более странно, если принять во внимание чрезвычайно высокую оценку Андерсона американской критикой. Шервуд Андерсон, Вальдо Франк и Даниэль Стиль—самые крупные художники современной Америки. Самым сложным из них, если не самым тонким, является, несомненно, Андерсон. Его герой—это не „business man“ Синклер Льюиса, и не „self-made man“ Лондона, его мир—не горячечный механизм городов-колоссов. Американцы у него не молодой народ, призванный историей сражаться в авангарде с природой и привыкший природу одолевать. Все они—как бы вне „maintrail“ современной машинизированной цивилизации Они прислушиваются к прорастанию еле уловимых эмоций и как будто даже и не слышали звона доллара—не знают о его гипнотизирующей силе.

В этом—очарование для нас Андерсоновского мира и показатель того, как, в сущности, мало знаем мы о Новом Свете.

Ниже мы даем один из лучших рассказов—„Братья“—из прекрасной книги Андерсона „Триумф Яйца“.

Ред.

СОДЕРЖАНИЕ